

Л. М. Зеленкина

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: zel@ngs.ru

ВОПРОСЫ СПЕЦИФИКАЦИИ И СТРУКТУРИРОВАНИЯ МЕТОДОЛОГИИ: ОПЫТ ИНТЕГРАЦИИ ПРОБЛЕМНЫХ ПОЛЕЙ

Оговоримся сразу, что слово «методология» будет употребляться здесь как синоним словосочетания «методология познания». Наше исследование не претендует на полномасштабное освещение столь сложных проблем, какими являются структурирование и спецификация методологического элемента культуры. Однако у нас есть шанс приблизиться к пониманию существенных особенностей методологии с относительно новой стороны, заключающей в себе много неиспользованных возможностей. Этот шанс нам видится в совместной разработке вопросов спецификации и структурной организации методологии. Рассматривая оба вопроса через призму работ разных авторов и не замыкаясь в рамках какой-либо одной позиции, мы попытаемся за разными рассуждениями о методологии увидеть их общее смысловое ядро.

В монографии «Системный подход и принцип деятельности» Э. Г. Юдин перечисляет основные функции методологии и описывает последовательность их реализации. Результат его усилий можно представить в виде следующего перечня:

1) обеспечение правильной постановки проблемы;

2) построение предмета научного исследования (организация проблемы в систему понятий, средств и методов);

3) оптимизация исследовательского процесса в рамках заданной предметной области (корректировка хода исследования, создание каркаса научной теории, разработка критериев для оценки результатов) [Юдин, 1978. С. 40, 61–63].

М. А. Розов замечает, что чаще всего методология характеризуется именно со сторо-

ны функций, выполняемых ею в отношении научного познания, а не со стороны специфики своего содержания. При этом большинство специалистов формулирует задачи методологического мышления сходным образом¹. Представления разных авторов о функциональной стороне методологии М. А. Розов сводит в единую характеристику [Розов, 1997. С. 9]. Показательно, что эта характеристика во многом совпадает с тем описанием функций методологии, которое предложил Э. Г. Юдин.

В отличие от функций методологического знания, положение методологии в культуре и ее отношение к научно-философской мысли характеризуется исследователями неоднозначно. М. А. Розов полагает, что методологическое мышление не вписывается в рамки специально-научного поиска, поскольку методология заимствует образцы решения задач из вненаучной сферы, а также из внешних по отношению к данному исследованию научных дисциплин. Что касается собственно научной мысли, то она, по мнению Розова, подчиняется дисциплинарным стандартам [Там же. С. 11–18]. Ориентация М. А. Розова на отрыв методологии от науки выглядит неловкой, хотя утверждение того же автора о внедисциплинарном характере методологического знания мы готовы принять как полезное наблюдение. Представление о дисциплинарной гетерогенности мето-

¹ Мы это расцениваем как показатель того, что представления философов о функциях методологии устоялись и точно соответствуют характеризующему явлению.

дологии развивает и Г. П. Щедровицкий² [1995. С. 98].

В отличие от М. А. Розова, Э. Г. Юдин считает методологию неотъемлемым элементом специально-научного исследования [Юдин, 1978. С. 42–50]. Согласно его точке зрения, методологическая мысль иерархически распределена по разным уровням организации знания. Всего автор выделяет четыре таких уровня: философский, общенаучный³, специально-научный и методический [Там же. С. 41–44]. В своем учении об уровневой структуре методологии Э. Г. Юдин продолжает теоретические начинания В. А. Лекторского и В. С. Швырева, которые в свое время выделили два уровня организации методологического знания – философский и научный [Лекторский, Швырев. 1972. С. 30–31].

Э. Г. Юдин стремится объединить структурные и функциональные представления о методологии, высказывая мысль о приблизительном соответствии между иерархией уровней методологии и перечнем ее функций. Это соответствие подразумевает, что постановка проблем осуществляется преимущественно философскими и общенаучными средствами, а корректировка хода исследования – средствами низших уровней [Юдин, 1978. С. 40]. Однако реалии методологического поиска во многом расходятся с предполагаемым порядком соответствия функций уровням: при постановке специально-научной проблемы учитываются возможности разных методик, улучшение организации исследования опирается на общенаучные принципы, понятийные средства научного познания разрабатываются с вовлечением всех уровней методологии.

В. А. Лекторский и В. С. Швырев попытались развести методологию науки и специально-научное изучение науки в рамках социологии науки, психологии научного творчества, семиотики и т. п. Если проанали-

зировать текст соответствующего рассуждения, то в нем обнаружится несколько заявок на различие научного и методологического анализа науки: 1) только методология изучает науку как систему, порождающую знание; 2) только методология рассматривает науку как объект, специфическим образом отличающийся от других объектов; 3) только методология имеет своим объектом уникальное явление (см.: [Лекторский, Швырев, 1972. С. 10]). Нетрудно разглядеть неспецифичность всех оснований дифференциации, на которых построены эти заявки. Остается загадкой, почему, с точки зрения авторов, социология науки не может преодолеть заявленные критерии отбора и оказаться по одну сторону с методологией. Показательно, что в другом фрагменте той же самой статьи В. А. Лекторский и В. С. Швырев рассматривают изучение науки средствами логики, психологии и социальных наук как различные направления методологического анализа [Там же. С. 42–43].

Отношения между методологией и философией представлены в литературе так, что про них очень трудно сказать что-нибудь определенное. Авторы с разных позиций предлагают свои модели отношений. Моделям порой не хватает очевидности, позициям – четкости, авторам – точек концептуального взаимодействия. Э. Г. Юдин рассматривает философию как содержательное основание всякого методологического знания, что не мешает ему считать методологию и философию автономными сферами познания [Юдин, 1978. С. 34–35, 42, 44–45]. Б. И. Пружинин характеризует методологию как специфическую область мысли, локализованную на стыке научного самосознания и философии. При этом автор так настойчиво сближает методологию с философией, что специфика методологического мышления оказывается под сомнением [Пружинин, 1986. С. 5–8, 15–33].

Вырисовывается любопытная картина. Рассматривая функции методологии, философы последовательны и единодушны. Но когда те же самые или другие авторы описывают положение методологии в терминах дисциплинарной или иерархической организации знания, их рассуждения теряют внутреннюю и внешнюю согласованность. Есть основания предполагать, что указанная ситуация обусловлена спецификой обсуждаемого явления.

² В свете этого представления довольно странно смотрится другая идея Г. П. Щедровицкого – проект построения системы чисто методологических дисциплин, единство которых, по замыслу автора, должно образовать автономную сферу познания, стоящую в одном ряду с наукой и философией [Щедровицкий, 1995. С. 152–153].

³ В числе общенаучных методологических разработок Э. Г. Юдин упоминает общую теорию систем, структурализм, кибернетику, прикладную математику и логический анализ науки.

В чем эта специфика состоит? Э. Г. Юдин формулирует универсальное определение методологии, в которой дефиниендум изначально выходит за рамки методологии познания: «Методология, трактуемая в широком смысле этого слова, есть учение о структуре, логической организации, методах и средствах деятельности... В современной литературе под методологией обычно понимают прежде всего методологию научного познания, т. е. учение о принципах построения, формах и способах научно-познавательной деятельности» [Юдин, 1978. С. 31].

Данное определение представляет методологию в виде теоретически организованной информации («знания о знании»). Такое представление, на наш взгляд, не исчерпывает всю полноту существенных свойств определяемого предмета ⁴.

В. П. Горан разрабатывает другое направление спецификации: он строит определение методологии, опираясь на понятие метода. «Метод – это общий способ подхода к решению достаточно широкого класса задач... Методом можно назвать и систему принципов, если эти принципы выступают как правила, предписания, регулятивы деятельности по решению определенного класса задач. Но если эти самые принципы рассматривать не со стороны их непосредственного практического функционирования в деятельности субъекта, а в качестве положений, составляющих основу теоретического обоснования соответствующих практических предписаний, организующих его деятельность, или же со стороны теоретического обоснования самих этих принципов, то речь будет идти уже не о методе, а о методологии» [Горан, 2007. С. 52–53].

Приведенное определение в отличие от предыдущего отображает когнитивную (теоретико-информационную) сторону методологии в единстве с ее функционально-прагматической стороной, что подразумевает рассмотрение методологического знания и познания *исключительно* в контексте внешней по отношению к нему целенаправленной деятельности. Этот момент принципиален, так как вне упомянутого контекста

методологическое знание и познание становятся просто знанием и познанием. Однако не каждая ссылка на функциональность знания приводит нас к методологии, поскольку знание может выполнять разные функции. В. П. Горан отмечает, что «методологическая функция есть функция теоретического обоснования регулятивных принципов деятельности, а не функция теоретического воспроизведения сущности объекта, даже если он – объект этой деятельности или сама эта деятельность» [Горан, 2007. С. 54].

В дефиниции В. П. Горана методология и метод оказываются по сути одним и тем же – системой регулирующих деятельность принципов, которая может предстать перед заинтересованными «наблюдателями» той или другой своей стороной. Это совпадение не случайное: оно отражает неустранимую относительность границы между методом и методологией. Во-первых, указанная граница зависит от субъективно выбранного ракурса, в котором рассматривается фрагмент знания. Один и тот же принцип, подход, регулятив в контексте функционирования распознается как метод, а в контексте обоснования – как методологический момент. Во-вторых, уже независимо от субъективного выбора «наблюдателя», контекст обоснования включается в контекст функционирования, когда методологические разработки встраиваются на правах средств достижения цели в структуру той самой деятельности, которую они отображают и обслуживают. Прагматический эффект, сопутствующий полноценным методологическим построениям, ставит их в ряд методов обслуживаемой деятельности. Так методология оказывается объектом собственного интереса.

Включение методологии в цепочку методов имеет еще одно любопытное следствие. Известно, что методы познавательной деятельности во многом определяют характер предмета познания. Принимая это положение, мы должны признать, что методологические идеи и принципы, ставшие элементами метода научной теории, неизбежно «просачиваются» и в ее предметное содержание. Э. Г. Юдин описывает проникновение методологии в предметную область науки как побочный эффект реализации одной из перечисленных выше функций методологии: «...формирование предмета исследования невозможно без формирования адекват-

⁴ Характеристика методологии окажется неполной даже в том случае, если знание трактуется широко – как информация и как деятельность, направленная на получение этой информации.

ного ему предметного содержания. Вот здесь именно и происходит слияние методологии с содержательной стороной познания» [Юдин, 1978. С. 62–63]. Говоря о слиянии методологии с предметом науки, автор не указывает на опосредствующую роль метода, однако процитированный отрывок в принципе совместим со схемой трансфигурации «методология → метод → предмет».

Из всего вышесказанного можно вывести образное уподобление методологии мифологическому Протею. Если методологию мыслить как теоретическое знание о познании, то она оборачивается набором философских, логических, семиотических, психологических, социологических и тому подобных идей, растекаясь по всем возможным дисциплинам и уровням организации знания. Если же рассматривать методологию как познавательную деятельность, то эта деятельность ускользает в собственный предмет, сливаясь с методами изучаемой сферы познания и растворяясь в ее предметном содержании.

Методология обнаруживает относительную устойчивость характеристик лишь тогда, когда заходит речь о ее функциях.носителем методологических функций всегда выступает знание (познание)⁵, а перечень этих функций разные исследователи описывают примерно одинаковым образом. Если определять методологию как специфическое единство знания и функции, пользуясь классическим способом построения дефиниции (указанием на род и видовое отличие), то итоговая формулировка может выглядеть так: методология познания есть знание или познание, которое служит достижению цели внешней по отношению к себе познавательной деятельности и имеет в качестве предмета структуру и методы этой деятельности, рассматриваемые в перспективе их возможного улучшения⁶.

⁵ Когнитивный элемент методологии включает в себя теоретическое и рецептурно-нормативное знание. Норма опосредствует связь между теорией и функцией: через нее осуществляется перевод теоретических наработок в план их функционирования в качестве средств деятельности.

⁶ Возможны другие дефиниции. Например: методология познания есть средство достижения цели познавательной деятельности, соединяющее в себе нормативную информацию о структуре и методах обслуживаемой деятельности с теоретическим обоснованием этой информации.

Общее направление функционального вектора методологического знания может быть определено как оптимизация процессов познавательной деятельности. Особенность этих процессов заключается в их очаговом распределении по предметному полю человеческой мысли. Интенсивнее всего познавательная деятельность протекает в «горячих точках» научно-философского сознания – в его проблемных областях. В этих областях знания самого разного рода включаются в обслуживание науки/философии, обретают методологический статус и организуются в единые методологические комплексы, подстраиваясь под определенную проблему. В непосредственной близости от проблемы как источника методологической функциональности определяется методологический потенциал отдельных идей и выстраивается естественная шкала методологического ранга. Ясно, что перед конкретной проблемой могут оказаться равно полезными или бесполезными знания разной степени абстрактности, общности и теоретичности. Функционально-прагматическая ориентация – сущностный признак методологического знания – задается внешней по отношению к этому знанию проблемой, полезный же вклад этого знания в разрешение проблемы мало зависит от тех оснований, по которым научно-философское сознание делится на дисциплины и на уровни иерархии. В свете «проблемоцентрического» подхода обнаруживается, что типологизация методологического знания по степени его общности (т. е. выделение в методологии философского, общенаучного, специально-научного и технико-методического уровней) – искусственный прием наподобие линнеевской классификации в биологии.

Нам кажется, что естественная иерархия и типология методологического знания должна отражать его специфическую функциональность и выстраиваться в «силовом поле» внешней познавательной задачи. В качестве варианта естественной иерархии мы можем предложить модель методологического обеспечения отдельно взятой научной или философской проблемы.

Попытаемся описать структуру методологического обеспечения проблемы без применения графической наглядности. Для этого нам понадобится метафора пирога.

Представим себе плоскую тарелку с большим пирогом, разрезанным на множество кусков. Участок тарелки, на котором лежит один кусок пирога – это научная проблема со всеми присущими ей информационными и деятельностными проявлениями. Кусок пирога, который возвышается над выделенным участком тарелки, символизирует методологическое обеспечение данной проблемы. Методологическое обеспечение имеет горизонтальное измерение, в котором определяются центр и периферия, и вертикальное измерение, в котором дифференцируются его слои или уровни.

Центральную область «куска пирога» составляют методологические исследования, оптимизирующие разработку стержневой темы в рамках данной научной проблемы. Периферическая методология способствует разрешению вспомогательных подвопросов проблемы.

Что касается положения методологической разработки на методологической вертикали (высоте пирога), то оно определяется длиной «алгоритма» – тем, сколько исследовательских шагов и процедур (в идеале) отделяет данную методологическую разработку от исследовательских поисков на уровне научной проблемы. Другими словами, вертикальное измерение есть не что иное, как методологическая дистанция, разделяющая обслуживающее и обслуживаемое познание. На наш взгляд, вертикальное измерение методологического обеспечения проблемы представляет собой подходящую основу для построения естественной иерархии уровней методологии.

Учитывая сказанное выше, мы предлагаем проблемноцентрическую модель структурирования методологии в виде трехслойной конструкции. Каждый слой этой конструкции, имея свои особенности локализации на линии методологической дистанции, по сути, представляет собой блок функций.

Первый блок функций – разработка комплексного взгляда на проблему: определение типовой принадлежности проблемы; проекция проблемы на ряд исследовательских дисциплин; выявление связей проблемы с другими проблемами; структурирование проблемы.

Второй блок функций – разработка и «инвентаризация» концептуальных средств решения проблемы: выбор тактических схем

(конкретных подходов) поиска решения проблемы; адаптация терминологии к специфике данной проблемы и построение систематизированного понятийного аппарата.

Третий блок функций – прикладная теоретизация: конструирование общего каркаса решения проблемы⁷.

Как эти блоки функций располагаются на той методологической вертикали, которая метафорически представлена нами в виде высоты пирога? Два блока (первый и третий) имеют четкую локализацию, – пользуясь образом пирога, их можно уподобить двум слоям пропеченного теста (верхнему и нижнему). Второй слой в той же метафоре пирога представляется как жидкая начинка, которая пропитывает и соединяет слои теста. Это означает, что второй блок функций диффузно распределяется по линии методологической дистанции. Теперь, когда мы представили многослойную структуру методологического обеспечения, миссию образа пирога можно считать выполненной. Опишем положение структурных элементов еще раз, уже не прибегая к данной метафоре. Максимальная методологическая дистанция отделяет от непосредственного поиска решения проблемы первый уровень методологического обеспечения – разработки, связанные с реализацией первого блока функций. Разработки второго блока концентрируются в пространстве функциональных возможностей между первым и третьим уровнями методологического обеспечения, внедряясь в структуру этих уровней и связывая их в единую систему. Третий блок функций – зона слияния методологического обеспечения проблемы с непосредственными поисками решения последней.

Подведем итог проделанной работы. Совместное рассмотрение вопросов спецификации и структурирования методологии очевидным образом показало, что ключевым элементом специфики методологического знания выступает функционально-прагматическое начало. Мысль о необходимом участии указанного начала в различных проявлениях методологии не является новой и неожиданной, – явно или неявно эту идею высказывают все известные нам исследова-

⁷ Слои методологического обеспечения в общих чертах соответствуют тому перечню функций методологии, который приводился в начале статьи.

тели методологии. Заметим, что поиск оригинальных характеристик и не входил в число задач настоящей статьи. Напротив, мы искали общую для разных контекстов основу понятия методологии, и эта основа обнаружилась в представлении о методологии как о единстве информационно-когнитивного и функционально-прагматического моментов. Идею методологического единства знания и функции мы использовали в качестве отправного пункта для проблемно ориентированного моделирования уровневой структуры методологии.

Список литературы

Горан В. П. Теоретические и методологические проблемы истории западной философии. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 269 с.

Лекторский В. А., Швырев В. С. Методологический анализ науки (типы и уровни) // Философия. Методология. Наука. / Отв. ред. В. А. Лекторский. М.: Наука, 1972. С. 7–44.

Пружинин Б. И. Рациональность и историческое единство научного знания. М.: Наука, 1986. 151 с.

Розов М. А. Теоретические основы методологического анализа науки // На теневой стороне / Отв. ред. С. С. Розова. Новосибирск, 1997. Вып. 2. С. 7–107.

Щедровицкий Г. П. Избр. произведения. М.: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.

Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1978. 392 с.

Материал поступил в редколлегию 07.08.2007